

Амвросий (Иванов), схиархим.

Автобиография схиархимандрит Амвросий Балабановский (Иванов)

Родился я в Тамбовской области, в Борисо-Глебском тогда уезде Растошинской волости в селе Копыл. Отец мой Федор Никандрович был солдат. Мать – Наталья Семеновна. Занимались они сельским хозяйством и были глубоко верующими христианами, так и меня воспитывали. При крещении дали мне имя Василий, так как я родился 1-го января 1879 г., в честь празднуемого в тот день Василия Великого. Кроме меня у родителей были еще три дочери, но они умерли в младенчестве. Грамоте я стал учиться на девятом году жизни – ходил в школу, где был учителем диакон о. Георгий, а по Закону Божию нас учил Священник о. Иоанн. Девяти лет я остался сиротой. Господу было угодно, что отец мой в возрасте 33-х лет умер. И вот потянулась в течение нескольких лет печальная жизнь без отца в родном доме при хозяйстве дяди, брата отца. Дядя был пьяница и водка довела его до болезни, когда он становился буйным. Часто мне и матери моей приходилось терпеть всяких неприятностей. Вот однажды мне мать и говорит: “Долго ли, сынок, мы будем так жить и терпеть – надо что-то предпринимать”. И вот мы договорились, что мать уйдет в Таволоанский монастырь, где проживает уже ее сестра, а я уйду к дяде, брату матери, который проживает в Калужской Оптиной Пустыни. Вскоре я написал дяде письмо с просьбой узнать о приеме в монастырь и получил от него ответ, что настоятель Оптиной пустыни не против принять нас вместе с моим товарищем Яковом Никитичем Прониным.

Итак, с благословения матери, 15 марта 1897 года оставили родное село и провожаемые тетею, монахиней Поликсенией, прибыли в монастырь Оптину Пустынь. Нас встретили наши земляки, так как к тому времени уже 4 человека от нас жили там. Настоятель монастыря о. Архимандрит Досифей принял нас как отец родной. Вышел он к нам в белом одеянии и показался ангелом небесным. Он благословил нас и сказал: “Ну вот и хорошо, что приехали, поживете, посмотрите, как живут в монастыре, а если не понравится, то дам вам денег на обратную дорогу.

Ну теперь, о. Иосиф, поводи их везде и покажи все наше хозяйство. Расскажи им, как в монастыре живут монахи и чем они занимаются, а там опять приведи их ко мне.”

И о. Иосиф водил нас везде и даже на дачу ходили, и нужно сказать, что всюду было чинно, хозяйственно и благодатно, чего пожалуй и не увидишь в мирской жизни. По прошествии недели о. Архимандрит позвал нас к себе и спросил: “Ну как, понравилось ли у нас в обители?”

Мы ответили, что очень понравилось и всей душой желаем мы навсегда остаться в св. обители. Тогда о.архимандрит Досифей велел дать нам келью на двоих и отправил нас в рухольную «монастырская кладовая», чтобы нас одели там в иноческое одеяние и обратно к нему придти на благословение. Нам с товарищем выдали каждому подрясник, скуфью и ремень. Мы оделись и возвратились обратно к отцу архимандриту. Он любовно осмотрел нас, благословил, поздравил, и сказал: “Живите себе с Богом и преуспевайте во всем, а я посмотрю, какое дать вам послушание.”Так с неделю мы жили и ничего не делали, а потом нам дали послушание в саду снимать с деревьев паутину. В этой паутине зарождаются вредные червяки и их нужно уничтожать. Но недолго мы работали в саду – регент о. Корнилий попробовал наши голоса и предложил мне и товарищу моему спеть, что мы знаем. Мой товарищ Яков был до этого певчим в сельском хоре и даже солистом, а я в хоре не пел, но вместе с Яковым иногда пели, посему и теперь мы дружно спели входное Достойно есть, Херувимскую, и Благообразный Иосиф. Отцу регенту понравилось наше пение и он сказал: “Завтра же становитесь на правый клирос и будете петь, это и будет теперь ваше послушание.”И скажу правду, монастырское пение и гласовое и подобное и нотное мне так скоро далось, что я был назначен канонархом и стал других учить нотному пению. Когда же наступил переходный период голоса, то по указанию регента, я перестал петь и перешел на другие послушания на братской кухне, и помогал старцам: о. Иоанникию, о. архимандриту Серапиону, о. игумену Варлааму. Когда таким образом прошел целый год, я снова стал петь уже басом и был регентом в больничном храме Оптиной Пустыни.

Когда мне и моему товарищу Якову было по 22 года нас позвали явиться к призыву в солдаты. Это было в 1902 году, и меня, как единственного сына у матери в солдаты не взяли, а Якова взяли.

1903 год я прожил в Оптиной Пустыни, а в 1904 году мне пришлось по просьбе настоятеля Боровского Пафнутьева монастыря о. архимандрита Венедикта и по благословению архиепископа Калужского Вениамина переехать, как регенту, в Боровский Преп. Пафнутия Монастырь.

Итак прожил я мирно в Оптиной Пустыни 8 лет и уход мой вызвал у о. архимандрита Ксенофонта такое сожаление, обращенное ко мне: “Мы тебя воспитали и выучили, и ты от нас уходишь...” Жалко было и мне оставлять Оптину с ее богодухновенными старцами и я тихо ответил, что так благословил Владыка и о. архимандрит Венедикт просит, так как у них регента нет, и вот уже за мной приехал посланник от о. Венедикта. “Итак, дорогой батюшка, – сказал я, – простите и благословите на новое место, а если что не поладится, тогда не откажите принять меня обратно в свое словесное стадо.”

В Боровском монастыре о. Архимандрит Венедикт принял меня как отец родной. Сразу же дал мне келию и все остальное, что полагается, и в заключение сказал, что в чем будете нуждаться, обращайтесь ко мне.

Когда я встал на клирос, певчих было мало, но скоро прибавилось, так как 4 человека послушников из Оптиной Пустыни приехали сюда, и я попросил о. архимандрита их принять в монастырь и стало теперь певцов 10 человек – пение стало хорошее. На 2-ой год моей жизни в Боровском монастыре, я стал ходить в школу при монастыре, давать уроки пения и в тоже время выбрал 10 мальчиков и стал с ними заниматься особо, чтобы приготовить их петь в Храме всенощное бдение и Божественную Литургию. С помощью Божией, за молитвы преподобного Пафнутия у нас пение стало еще лучше.

О. архимандрит Венедикт, видя наши успехи по пению, стал изыскивать возможности как меня вознаградить за труды мои для Храма Божия. Мое же первейшее желание было – постриг в монашество, но мне еще тогда было 28 лет, а по указу Св. Синода постригали в монашество в 30-ти летнем возрасте. О. архимандрит Венедикт исходатайствовал разрешение пострига мне, как исключение и поощрение меня досрочно. 1911 г. 11-го марта меня постригли в монашество с именем Амвросия в честь святого Амвросия Медиоланского. 1912 года 1-го мая на память преподобного Пафнутия Боровского, я был рукоположен во иеродиакона преосвященным Александром Калужским.

1913 года 1 мая на память преподобного Пафнутия Боровского тем же епископом Калужском и Боровским Александром рукоположен во иеромонаха – “наслаждаться” служением иногда Божественной Литургии.

Кроме регентского послушания, я был учителем пения в монастырской школе и экзаменатором по пению псаломщиков. За все эти мои труды я имел много благодарностей, а в 1917 году получил благословенную грамоту от Епископа Феофана Калужского и Боровского. В конце 1918 года 17-го октября меня призвали в тыловое ополчение, но

пробыл я на работах 2 месяца и по слабости здоровья уволен был по чистой. Освободясь из тылового ополчения я попросился у Владыки, своего монастырского начальника, поехать мне на свою родину. И получил благословение отпуска на непродолжительное время. Побыв немного на родине, я поехал повидаться с тетей – монахиней Поликсенией, живущей в Таволоанском монастыре Воронежской области. Был Великий Пост и я с монахинями пел “Покаяние” Веделя и “Да исправится” Богданова. В это время туда же, в монастырь, проведать свою сестру приехал из Киева архимандрит Михаил и таким образом нас собралось 3 священника. В это время приехали в монастырь поговеть и причаститься Св. Таин из с. Алферовка диаконица З.Н. и учительница и стали они просить себе на приход кого-либо из священников. Мать игуменя сказала, что монастырский священник старенький, а эти батюшки – гости, вот просите их. И они меня упросили поехать к ним послужить. Я согласился поехать только на один праздник Благовещения Божией Матери, а потом уеду в свой монастырь. А в это время случилось так, что при войне Красной Армии с казаками стало невозможно куда поехать по железной дороге и я задержался в Алферевке на 2 года, да и 1 год служил в селе Димитровка, куда мне стал писать наш начальник монастыря епископ Алексей так: “О. Амвросий – приезжайте в свой монастырь – это ненормальное явление, чтобы иеромонах жил годами на приходе без благословения своего архиерея.” Я ему отвечал, что я и рад бы возвратиться, да поезда не ходят... Когда же явилась первая возможность поехать и нашелся священник на мое место, я простился со старостой и прихожанами с. Димитровка и поехал на вокзал, но здесь узнал от старичка, что никакого расписания поездов нет и идут поезда только военные по распоряжению. Меня и моих двух спутниц таволоанских монахинь, желающих тоже ехать в Москву, это очень огорчило, но вдруг послышался свисток приближающегося поезда, который вскоре остановился у вокзала – это был воинский поезд. И вот из вагона вышли 2 солдата и кричат мне:”О. Амвросий! Как ты сюда попал?” Говорю им, что мне необходимо ехать в Москву, да поездов нет. “Садись с нами, – говорят они, – мы едем в Москву и утром там будем.” Я ответил, что я не один, а со мною две монахини. Солдаты взяли нас всех в поезд и довели до Москвы. Здесь хочется сказать, что как необходимо сделать добро и послужить кому – бывает, что и здесь же на земле ответят тебе добром. Эти солдатики, когда я жил в с. Димитровка, тогда стояли на постах, а было холодно и солдатики при смене заходили ко мне в дом погреться. Я охотно пускал их к себе и утешал чем мог. Теперь они, имея возможность,

отблагодарили меня, отозвались на глухой станции...

В Москве заехал я к монашкам моим на подворье Таволоанского монастыря и, отдохнув у них 2 дня, поехал в свой монастырь.

В Москве на Киевском вокзале я встретился с С.Н. Кокошкиным, который мне сказал, что мы вас давно ждем, а особенно ваш хор. На станции Балабаново я встретился со своим начальником монастыря – Епископом Алексеем, который был и секретарем святейшего Патриарха Тихона. Епископ Алексей сказал мне: “Иди скорей, пока мой кучер не уехал, он тебя довезет до монастыря, а после поговорим обо всем”.

При приезде в монастырь, я занял свое место регента. Певцы те же были довольны. В это время, по благословию архиерея в монастырском хоре пели мальчики и девочки из монастырской школы, и пение стало еще лучше. Это объясняется тем, что мальчики поют хорошо до переходного состояния голоса, а потом что они знали, пропадает, пропадает и труд регента, а у девочек голос не изменяется до старости и что они выучили по пению, то останется на всю их жизнь.

В 1922 году я награжден наперстным крестом от святейшего Патриарха Тихона по ходатайству епископа Алексея, начальника монастыря.

В 1923 году к прискорбию всех насельников монастыря – наш монастырь закрыли и разошлись монахи кто куда. Я по благословию Епископа Алексия, поступил священником в село Иклинское до 1942 года.

С 1930 года был перерыв моей священнической службы – лишение свободы на 3 года. 10-го августа 1930 года заявили ко мне из Калуги 2 человека с понятиями сделать обыск, будто бы я имею оружие. Я ответил им, что никакого оружия нет у меня, но при обыске нашли 7 рублей 50 копеек мелкими деньгами. На мое оправдание, что я вчера хоронил усопшего и это мне надавали на панихидах, не обратили внимания, а еще у моей прислуги нашли, принадлежащие ей мелочи 30 рублей. Все эти деньги приписали мне и через 2 дня нас позвали в г.Боровск, заперли в сарай, где оказалось человек 20 всякого звания и профессии, священники, учителя растратчики, спекулянты и воры. На утро повезли нас в Калугу, где стали опрашивать кто мы и за что взяты. Особенно обратил внимание псаломщик, который ответил, что он за “Господи помилуй”. – “Ну это вина небольшая,” – ответили, а как я узнал после от него, что он был в ссылке 10 лет. После опроса всех нас отправили в тюрьму, где мы сидели 2 недели, а потом позвали в контору и там объявили, кто куда будет отправлен. Я попал в список отправления в г. Семипалатинск (Казахстан). Этапом побывали в Тульской тюрьме, а потом в Томске и здесь из нас 300

человек назначили в Нарым и было меня записали туда. Этим я очень огорчился, что разлучаюсь со своим этапом, на горькую долю мою Бог послал мне доброго советчика: один священник спросил меня почему я не пошел со своими в Семипалатинск? Я ответил, что меня вчера записали в Нарым.”- Там тебя комары заедят и вода там желтая – иди, иди пока твои товарищи еще не уехали, тебе ничего не будет раз ты назначен в Семипалатинск. Если будут тебя спрашивать, то покажи свое назначение.” И правда, как он говорил, так все и свершилось. Спаси его Господи, если он жив, а умер – Царство ему небесное, вечный покой.

В Семипалатинске сидели мы в тюрьме 5 дней. С нами были 2 бая, это по нашему помещики, богатые киргизы. Им очень много передавали мяса – баранины. Они с нами делились, а мы за них пол мыли. Да, тюрьма, тюрьма и этапы, кто не был, дай Боже, тому не быть. А кто был, тому до смерти не забыть всех пережитых лишений и обид. Когда же мы в Семипалатинске вышли из тюрьмы, то нам сказали, что вы теперь вольные граждане – ищите себе квартиру и работу, а через декаду приходите к нам на проверку. И вот, после ночи, проведенной в доме крестьянина, мы нашли квартиру, но такую, что и на печь там снегу надуло – холодно и грязно. Скоро нашли другую на 5 человек – дрова наши и по 5 рублей платы в месяц с человека. Теперь пошли работы искать.

Я нашел себе печи топить в ФЗУ, но вскоре мне начальник сказал, что он не знал, что я священник, поэтому мне там работать было нельзя и приходите завтра за расчетом. И этот добрый человек не обидел меня, а даже простил мне, что я у них забрал и питался и денег мне дал 17 рублей и хорошую справку. Куда теперь было мне идти? По привычке к храму Божию пошел я в служащий здесь храм к вечерне, а там меня батюшка спросил, кто я и, что нет ли из ссыльных кого, чтобы мог быть псаломщиком здесь. Я ему ответил, что вот я мог бы быть псаломщиком здесь и регентом архиерейского хора. ”- Вот и хорошо, оставайся и служи у нас, я буду давать тебе Зю часть как псаломщику, а староста будет тебе платить как регенту.” Я отвечаю, что можно ли это ссыльному, а батюшка сказал, что он тоже ссыльный и, что спросим вместе разрешения у начальства . В ГПУ нам сказали, что хорошо, служите, только про советскую власть ничего не говорите. Итак, весь свой срок я прослужил в храме Божиим и сам был доволен и мною были довольны. Нашлась квартира у одной певчей, и все как возможно хорошо. Настоятель храма о. Алексей Мерцалов был усердный служитель и вел подвижническую жизнь: мяса не ел и вина не пил, молока и масла никакого не употреблял и чай не пил, а только воду и самодельный квас и всех квасом угощал, но

сахар и конфеты любил, а служил так: канон весь на распев и междучасие все вычитывал. Я бывало ему скажу, что в Оптиной пустыни, да и везде канон читают, а он ответит, что в книге сказано “Канон поем”. Вот я и пою. Скажу еще про о. Алексея: на святую Пасху нас пригласил хозяин свечного завода прославить у него Христа и многие другие помещики по приглашению хозяина были на празднике, и даже сам архиерей был на празднике здесь. Но конечно, как и бывает угощение было велие, изобилие плодов земных и разные вина. Мы поздравили со светлым Праздником хозяина и его семью, но мой настоятель поздравил хозяина только словами с пожеланиями ему доброго здоровья и спасения ... И вот, во время трапезы один батюшка о. Иоанн сказал о. Алексею: “ – О. Алексей! Почему вы не хотите выпить и поздравить нашего хозяина и благодетеля – это есть лицемерие.” О. Алексей возразил на это так: “О. Иоанн! Я покаюсь тебе, что я имею буйный характер и, если пить вино, то я могу убить человека, а если буду упиваться, тогда наделаю столько непотребства всякого, а нам, как священникам не полагается так делать,” – отстал от него о. Иоанн. Когда кончился мне срок ссылки 3 года, то освободившимся нам объявили, чтобы мы приходили за получением паспортов. И я возвратился в село Иклинское. Там уже служил, как священник, бывший наш иеродиакон Тихон. И вот в 1933 году, как и полагается, я сразу явился ко владыке епископу Калужскому Димитрию и просил его о службе, где он благословит. Владыка сочувственно ко мне отнесся, так как ему тоже пришлось быть в неволе 10 лет. Нового прихода он мне не дал, а благословил поехать обратно в Иклинское, сказав: “Служите двое с о. Тихоном понеделно, то священником, то псаломщиком, а доход пополам – у вас семьи нет.” Но о. Тихону видимо это не понравилось: он стал хлопотать дать ему одному приход и ему дали приход в селе Малоярославского района Випреевке, но, как я слышал, скоро его сослали в ссылку в отдаленные края... Великое дело – благословение Епископа. Весь период времени 1933–1939 г.г. я служил один в с. Иклинское. 1940–1941 г.г. службы в Иклинской церкви из-за непосильного налога не было и сначала я жил, как говорят, старым жиром, а потом вынужден был идти работать в колхоз, дабы не умереть с голоду... 1941 года 22 июня вспыхнула война с Германией и уже 22-го октября немцы заняли Иклинск и простояли в Иклинске 2 месяца и 5 дней. 25 декабря (нов. стиля) наши бойцы выгнали немцев из Иклинска в 2 часа ночи. В эту ночь была такая канаода, что невозможно описать: смерть витала над головой у нас. Господи прости! Я, недостойный и грешный, мама моя Наталья Семеновна и р.Б. Евдокия решили причаститься св.

Христовых Тайн, так как со мною были Святые Дары. И ждали мы смерти – вот упадет на дом снаряд и от нас останется мокрое место, но Господь Своею Благодатию сохранил нас от напрасныя, внезапныя смерти и даровал нам жизнь на покаяние – немцы отступили дальше, но в 8 часов утра немецкий аэроплан налетел на Иклинское и стал бомбить непосредственно над нашим домом, так как здесь скопилось много машин наших бойцов – была выдача продовольствия и стопочки вина. В результате сгорел наш дом от зажигательной бомбы. В 20 минут сгорело все наше имущество и даже корова на дворе сгорела и весь хлеб, который я заработал в колхозе. Церковь Иклинская до прихода немцев была в полном порядке, но во время боя храм был разрушен, колокольня до карниза была сбита и упала. Остались одни стены храма, да пол, а все остальное сгорело, так что без капитального ремонта Церковь стала не пригодна для богослужения.

Еще раньше с 1940 г. в свободное от колхозных работ время, а главное в праздничные дни, я ходил молиться в соседний Храм Спас Преображенья и помогал по службе батюшке о. Владимиру Замятину.

В 1942 году в январе протоиерей Владимир тяжело заболел и мне, по просьбе его и прихожан, пришлось за него послужить. Раза три я его причащал Св. Христовых Тайн и 25 февраля о. Владимир скончался, мы с о. Михаилом Смирновым, священником. Передольского прихода, соборне его похоронили близ церкви Спас Преображенья. Прихожане меня, как свободного, стали просить остаться у них служить священником. Чтобы получить назначение, я и прихожане подали просьбу Его блаженству Блаженнейшему Сергию Патриарху Московскому и вся Руси и немедленно было прислано назначение служителем культа в селе Спас Преображенья, иначе называемое село Спас-прогнаний Угодско-Заводского района Калужской области. С 1 марта 1942 года по сие время, как 33 года, служу я в селе Спас-прогнань.

Скажу правду, когда я начал служить, псаломщика постоянного не было, а были временно приглашенные: как И.И.Виноградов, К.А.Циханович, Илларион Владимирович Жуков, Анна Чернова служила 7 лет, Мария Дашина служит по сие время 18-й год. В первое время моей службы в Храме было запылено, холодно и не убрано,но когда поступила мать Мариамна и другие, то навели порядок и чистоту. Вся церковная утварь стала блестеть и добродетелями пополнилась ризница, появились и ковры и все необходимое для Богослужения. Пение и чтение исполнялось псаломщиком и любителями церковного благолепия. Спаси Господи всех за усердие к Святому Храму Божию. За 33 года моего служения наш

храм три раза был покрашен внутри и снаружи и, к сожалению, два раза был обкрадываем. Первый раз украли мою митру и два ковшичка и лжицу, а второй раз украли два креста на престольных и мой наперстный крест. В 1970 году, по допущению Божию и меня сильно напугали воры. В 2 часа ночи Троицкой родительской субботы, воры выставили окно и один залез в дом, прошел в сени и отворил все двери, и я в это время, Бог дал, проснулся и ничего не подозревая, встал и пошел, а жулик – мне навстречу и кричит “руки вверх” и светит мне в лицо фонарем и говорит: “Давай денег 1000 рублей”. Я очень испугался, но ответил, что денег нет – они в сберкассе. В это время проснулась моя прислуга и вышла из своей комнаты. Жулик, увидев ее, говорит: “А и ты здесь, сейчас буду стрелять”. Она же бросилась на печку, а он за ней кинулся, но не поймал. Я же, опомнившись, убежал в другую половину дома, где ночевали женщины, которые пришли помянуть в родительскую усопших. Воры, услышав крик всех нас, убежали, ничего не взявши, но мы очень испугались.

В 1971 году 12 ноября было другое нападение на наш дом хулиганов, которые только побили в доме все стекла и ушли, а мы ночевали в сенях при 8-ми градусном морозе и живы остались.

Еще опишу чудо, бывшее в 1920 году, когда я служил в с. Алферовка. После служения Литургии я пришел домой и, покушавши, пошел в огород в беседку отдохнуть. Вдруг ко мне зашли два красноармейца и сообщили мне, что случилось недавно в Таволоанском монастыре. Они сказали, что когда в монастыре были казаки, то монашки служили молебен казакам и коней их окропляли Святой водой. Прогнавши казаков, наши начальники хотели наказать за это монахинь, но в это время с чердака слез комиссар г. Новохаперска Буханцев и говорит: “Товарищи, этим матушкам никакого зла не делайте – они спасли мою жизнь. Я являюсь комиссаром г. Новохаперовска и, когда наступали казаки, я и мои товарищи бежали. Я пришел к этим матушкам, и они спасли мою жизнь от смерти. Я с чердака все видел, а казаки заставляли их служить молебен и водосвятие.

Если бы они отказались служить, то казаки их плетками застегали и пиками пронзили. Вы прибыли и хотите их расстрелять, но они беззащитные и, что им приказывали, то они исполняли!..” “Вы им служили молебен, служите и нам.” И стали монашки служить молебен и красноармейцам. И многие солдаты брали свечи и на коленях молились Богу, чтобы их Господь сохранил и помиловал.

Теперь мне, как благодарному сыну своей матери, следует вспомнить здесь о ней, ибо по ее желанию и благословению я стал тем, чем есть.

Прежде всего, она была человеком глубоко верующим и в 1910 году она имела счастье побывать во св. граде Иерусалиме. Часто потом она вспоминала о своем паломничестве в Палестину, как она была и посещала святые места. До этой своей поездки и после поездки, покойная мать моя Наталья Семеновна много способствовала для дома Божия у себя на родине. На храм в честь Архистратига Михаила она ходила по сбору и своими руками ткала ковры и всячески старалась для благолепия церкви Божией. Кроме того, покойная мать любила помогать бедным сиротам. Больше всего ее желанием было воспитать дитя в религиозности и хорошем поведении. Старалась сирот обууть, одеть, обмыть и, что требует починки, сразу починить. В этом она находила великое себе утешение, что чужие дети слушаются и благодарят за сочувствие.

Когда я ушел в монастырь Оптину Пустынь, мать моя прожила в родном доме 6 месяцев и перешла жить к своему родному отцу С.Л.Авдулову, но и здесь, проживши 6 месяцев, ушла к своей сестре в Таволоанский монастырь и душевно желала посвятить себя Богу. Однако, недолго пришлось ей жить в монастыре: у ее родного брата А.С. безнадежно и неизлечимо заболела жена. 5 человек детей стали нуждаться во всем. Тогда брат моей матери поехал в монастырь и упросил игуменью Аполинарию, чтобы она отпустила из монастыря мою мать Н.С. воспитать его детей. Мать Игуменья благословила и сказала: “Да, это есть великое и святое дело воспитать и вырастить детей, к тому же не своих, а братненьких, а когда явится возможность, иди в монастырь, я охотно возьму опять”. Но, к великому сожалению, покойной моей матери не пришлось возвратиться в монастырь. Ввиду сложившихся семейных обстоятельств, ей пришлось освободиться только тогда, когда вырастила всех детей, парней поженила, а девочек замуж выдала. Была хозяйкой у брата А.С. 23 года.

В 1924 году мать моя приехала ко мне на жительство в с. Иклинское. Здесь часто ходила в храм Божий, в котором я тогда служил, а дома занималась хозяйством и отчасти вязанием чулок и лет 12 пекла для храма просфоры и любила помогать бедным.

В 1942 году, когда я стал служить в Спасо-Преображенском храме села Спас-прогнань, моя мать приехала на жительство со мной.

В 1943 году 14-го апреля мать моя мирно скончалась 85 лет от роду. Погребение ее было на Лазарево воскресение. Похоронена она близ дер. Софинка. Во Царствии Твоем помяни, Господи, душу усопшия рабы Твоея Наталии и прими дух ее с миром, ибо она всю свою жизнь печаловалась о сиротах и бедных и заботилась, как могла о храмах Божиих. Аминь.

ПАМЯТИ СХИАРХИМАНДРИТА АМВРОСИЯ.

ЖМП, 1979, # 8, с. 42. Вечная память почившим.

Схиархимандрит Амвросий (в миру Василий Иванов) клирик Калужской епархии, скончался утром 15 октября 1978 года, на 100 году жизни. Накануне он исповедался и причастился Святых Христовых Таин, а за неделю до того над ним было совершено таинство Елеосвящения. По благословию Архиепископа Калужского и Боровского Никона, тело пастыря облачили в схимнические одежды и перенесли в Спасо-Преображенский в с. Спас-Прогнань. 19 октября Божественную литургию в этом храме совершал архиепископ Калужский Никон в сослужении многих священников и диаконов. Прибыли духовные чада, знакомые и многие из тех, кто учился у отца Амвросия церковному пению. Владыка Никон произнес надгробное слово, отметив более чем восьмидесятилетнее служение отца Амвросия Святой Церкви. Последние годы, когда отец Амвросий не мог ходить, его каждый воскресный и праздничный день привозили в храм, где он управлял хором и назидал своих духовных чад. Отпевание совершено было по монашескому чину. Трогательно пели хор духовенства, возглавляемый самим архипастырем, и хор певчих – учеников схиархимандрита Амвросия.

Погребен старец недалеко от алтарной абсиды, на месте, заранее им указанном...

...На приходе отец Амвросий во всем следовал духовным обычаям и традициям Оптиной пустыни и Пафнутиева Боровского монастыря. В пастырском руководстве пасомых он держался умеренных взглядов: не благословлял на чрезмерные духовные подвиги, но вместе с тем обличал нерадивых, после каждой исповеди напоминал о необходимости совершенствовать свою духовную жизнь. Старец был очень прост в личной жизни и в общении с людьми и отличался поистине детской незлобностью и доверчивостью. Двери его дома были открыты для всех. Многих влекли к старцу его доброта и духовная мудрость, все знали, что он, несмотря на преклонные лета и болезнь, выслушает каждого и даст добрый пастырский совет. До последних дней отец Амвросий сохранял светлый ум, тонкий слух и хорошую память. Он был большим знатоком церковного пения, прививал прихожанам любовь к древним церковным распевам, радовался удачным новым композициям. Посещавшим его он нередко что-нибудь проигрывал на фисгармонии, тихо припевая при этом, отмечая особо удачные места. Будучи 95-летним старцем, он посетил Троице-Сергиеву Лавру, чтобы послушать в исполнении лаврского хора оптинские подобы. За неделю до кончины он просил, чтобы его навестили его ученики, бывшие певчие Пафнутиева Боровского

монастыря, и исполнили любимые им духовные произведения. Старец сам управлял их пением.

Господь да упокоит душу верного раба Своего в обителях Небесных!

Содержание

Амвросий (Иванов), схиархим. Автобиография схиархимандрит Амвросий Балабановский (Иванов)	1
--	---